В.М.Буренок, доктор технических наук,
профессор

Будущие войны

В статье рассмотрены некоторые виды межгосударственного противоборства, включая основные из них – экономическое и информационное. Показана целесообразность разделения всех видов противоборства на силовое (вооруженное насилие), осуществляемое вооруженными силами, и несиловое, организация и руководство которым должно осуществляться на государственном уровне. Показаны основные особенности информационного и экономического противоборства.

В средствах массовой информации и в научных изданиях уже достаточно давно ведутся дискуссии о характере войн XXI века и новом облике системы вооружения. Особенно эти дискуссии усиливаются после очередного военного конфликта (локальной войны), цветной революции или государственного переворота. В результате зачастую появляется новая теория (концепция) войны: бесконтактной, сетецентрической, информационной и т.п. При этом, как правило, вполне справедливо делается вывод о том, что нынешняя система вооружения Вооруженных Сил России не соответствует характеру будущих войн и что структуру и состав этой системы надо менять. Действительно, характер войны и состав технических средств, применяемых в ходе войны – это две теснейшим образом связанные категории.

К сожалению, в процессе рассуждений о характере будущих войн зачастую сферу ненасильственного межгосударственного противостояния путают со сферой военных действий. На этой основе к вооруженным силам и их системе вооружения предъявляются требования, которые то ли государство призваны превратить в армию, то ли армию расширить до границ государства. И нет четких границ, какие задачи должны выполнять в будущем вооруженные силы, а какие – экономические, политические, идеологические, культурно-воспитательные и т.д. органы и организации государства. При таких подходах крайне сложно обосновать реалистичные требования к новому облику и вооруженных сил и ее технической составляющей.

Классическое определение понятия «война» говорит, что это социально-политическое явление, связанное с применением военного насилия, и при этом оно является продолжением политики насильственными методами. В то же время в различных источниках упоминается огромное количество других видов войн: экономическая, дипломатическая, информационная, психологическая, кибернетическая, холодная и т.п., не говоря уже о таких экзотически-специфических как газовая, нефтяная и даже соляная или рисовая. Безусловно, никто и никогда не пытался предъявлять требований к системе вооружения вооруженных сил государства, исходя из характера перечисленных войн. Как уже было сказано, всегда доминировало классическое правило, что вооруженные силы и их система вооружения предназначены для ведений войн с применением *вооруженного насилия* по отношению к противнику, предполагающего физическое разрушение, уничтожение, повреждение неких объектов, но не для психологического, экономического или иного вида давления на него (хотя, эти самые другие виды давления как «побочный продукт» вооруженного насилия, естественно и практически всегда имеют место).

Поэтому представляется целесообразным разобраться с пониманием того, что такое война будущего, что включается в это понятие. Будем ли мы понимать по-прежнему, что война – это вооруженное насилие, или же согласимся с

тем, что это более широкое понятие, включающее многие другие аспекты давления на противника (так называемую «мягкую силу»), для принуждения его к действиям, выгодным противостоящей стороне. При этом некоторые авторы говорят о том, что война как метод достижения политических целей может и не предполагать собственно вооруженного насилия. Тогда, выходит, и вооруженные силы как элемент государства не нужны, или нужны совсем в другом виде. Что же тогда собой будут представлять вооруженные силы страны и их система вооружения новой эпохи?

Явочным порядком расширение трактовки термина «война» уже происходит, как происходит и возложение на вооруженные силы новых задач, ранее не свойственных военной организации государств. В США и других странах мира созданы или создаются подразделения психологических операций, предназначенные для борьбы в сфере человеческого сознания, киберкомандования, предназначенные для ведения войн в виртуальном пространстве. Автор ряда статей в еженедельнике «Военно-промышленный курьер» К.Сивков говорит о новой сфере вооруженной борьбы – информационной, о психотронном воздействии, а вооруженную борьбу как разрушение и захват различных видов материи называет «вульгарным милитаризмом». В случае с кибервойнами с определенными оговорками можно согласиться, что это «вооруженное насилие» (оружие – программные продукты, цель – разрушение и даже уничтожение различных систем управления посредством уничтожения используемых в этих системах программных продуктов). Что же касается подразделений психологических операций, то здесь очевиден факт выхода за традиционное понимание термина «вооруженное насилие». Единственным «оправданием» возложения подобного рода задач на военных является то, что действия таких подразделений распространяются, как правило, на военнослужащих противостоящей стороны. Но и здесь опыт войны западной коалиции в Ираке внес свои изменения в военные каноны и таким подразделениям армии США вменена обязанность проводить психологические операции и по отношению к мирному населению. Можно, конечно, опять найти этому факту оправдание, – война в Ираке сейчас партизанская, мирное населения только условно является мирным, а в сущности – это мобрезерв партизан и источник их ресурсного обеспечения. Следовательно, в таком случае психологические операции по отношению к мирному населению – это фактически борьба с партизанским движением. Но уж слишком много появляется оговорок и размывается строгость терминов и определений в военной области, многими десятилетиями остававшихся неизменными.

Возможно, пришло время изменить взгляд на войну как именно насильственные действия (подготовка к которым и ведение которых – прерогатива органов военного управления) и уйти от «вульгарного милитаризма», а трактовать ее шире – как совокупность действий по принуждению одной стороны к выполнению воли другой. Но тогда мы получаем другую крайность: экономические, газовые, информационные и тому подобные невооруженные конфликты также необходимо будет отнести к войнам, с вытекающим из этого следствием (вытекающим из классических канонов) – возложением управления подготовкой к таким войнам и действиями государственных структур в процессе их ведения на военно-политическое руководство страны (верховного главнокомандующего, его ставку, генеральный штаб вооруженных сил или ему подобную структуру). Понятно, что это выходит за рамки здравого смысла. Значит, говорить о какой-либо войне вообще, распространяя суть рассуждений на принципы построения вооруженных сил и развития системы вооружения нельзя. Как литературный прием это имеет право на жизнь, но как способ определения требований к военной организации страны, армии будущего такой подход вряд ли допустим, он уводит, как уже было отмечено, за пределы здравого смысла. Скорее применение

«мягкой силы» относится к сфере невооруженного межгосударственного противостояния, и вряд ли стоит в этом случае рассуждать об «информационных войсках» и тому подобных новшествах. Вернее, назвать такие формирования можно как угодно, но большой вопрос – стоит ли их относить к вооруженным силам.

Очевидно, что для разрешения этой проблемы целесообразно разделение понятия «война» на две составляющие: именно вооруженное насилие и совокупность невоенных действий, хотя направленность этих составляющих фактически одинакова или близка – достижение каких-либо политических целей.

Определение *вооруженного насилия* может звучать следующим образом – *непосредственное воздействие на противника (его живую силу, вооружение, военную и специальную технику, инфраструктуру) посредством материальных объектов и генерируемых ими явлений, направленное на поражение (уничтожение, разрушение) и/или, изменение характера действий противника для достижения определенных политических целей*. Как видим, это определение очерчивает «функциональную область» вооруженных сил, пределы их «компетенции». Вооруженное насилие осуществляется вооруженными силами, применяя для этого систему вооружения, в которую входят организационно и функционально связанные образцы и комплексы вооружения, военной и специальной техники. Планирование актов военного насилия, управление их осуществлением – прерогатива военного ведомства. То есть такое определение не отвергает понятия войны как общественно-политического явления и направлено только лишь на очерчивание границ, за которыми применяются (должны применяться) другие силы и средства, имеющиеся в распоряжении государства, эту войну ведущего.

Как представляется, такое определение позволяет достаточно четко определить требования к облику вооруженных сил и его системе вооружения.

«Непосредственное воздействие на противника (его живую силу, вооружение, военную и специальную технику, инфраструктуру)» означает, что в ходе войны объектом прямого воздействия вооруженных сил одной стороны являются вооруженные силы и инфраструктура театра войны другой стороны. И не более того.

Информационные, экономические и другие виды межгосударственного противоборства, не предполагающие военного насилия, – это сфера управленческой деятельности органов власти, не относящихся к вооруженным силам.

Как уже было сказано выше, видов межгосударственного противоборства можно выделить достаточно большое количество. Но два из них – информационное и экономическое – фактически полностью охватывают содержание всех остальных.

Рассмотрим каждое из них более подробно.

Итак, *информационное противоборство* является категорией более общей, чем военные действия в информационных коммуникациях – это противоборство идеологий, облаченное в специфически подготовленную информацию и программные продукты, то есть это сфера межгосударственного противостояния. Радиоэлектронная борьба, кибервойна в системах военного управления – это задачи вооруженных сил, а информационное противоборство – вряд ли, слишком значительны масштабы этого противоборства, чрезвычайно разнообразен круг решаемых задач, велика специфика квалификационных требований к специалистам, осуществляющим такое противоборство.

Об этом говорят следующие факты. В 1995-1996 гг. корпорация «Рэнд» выполнила ряд исследований в интересах министерства обороны США. Их целью было определение ключевых характеристик и особенностей применения методов информационного противоборства; выявление основных направлений деятельности в области информационного

противоборства; укрепление национальной безопасности и усиление технологического превосходства в области создания информационного оружия; координация деятельности научных и промышленных организаций при определении основных направлений совершенствования стратегии обеспечения безопасности национальных информационных систем. Результаты этих работ были изложены в документе (Strategic Information Warfare – «стратегическое информационное противоборство»). Как было заявлено, такое противоборство представляет собой «использование государствами глобального информационного пространства и инфраструктуры для проведения стратегических военных операций и уменьшения воздействия на собственный информационный ресурс».

Но вот дальнейшие исследования существенно изменили подход к информационному противоборству и привели к введению понятия «стратегического информационного противоборства второго поколения» (2nd Generation Strategic Information Warfare), под которым понимается «принципиально новый тип стратегического противоборства, вызванный к жизни информационной революцией, вводящий в круг возможных сфер противоборства информационное пространство и ряд других областей (прежде всего экономику) и продолжающийся долгое время: недели, месяцы и годы».

Несколько невразумительное определение вполне раскрывается его содержанием, изложенным в отчете корпорации «Рэнд» – «стратегическое информационное противоборство второго поколения» предполагает:

создание атмосферы бездуховности и безнравственности, негативного отношения населения страны-противника к своему культурному наследию;

манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией социальных групп населения страны с целью создания политической напряженности и хаоса;

дестабилизация политических отношений между партиями, объединениями и движениями с целью провокации конфликтов, разжигания недоверия, подозрительности, обострения политической борьбы, провоцирование репрессий против оппозиции и даже гражданской войны;

снижение уровня информационного обеспечения органов власти и управления, инспирация ошибочных управленческих решений;

дезинформация населения о работе государственных органов, подрыв их авторитета, дискредитация органов управления;

провоцирование социальных, политических, национальных и религиозных столкновений;

инициирование забастовок, массовых беспорядков и других акций экономического протеста;

затруднение принятия органами управления важных решений;

подрыв международного авторитета государства, его сотрудничества с другими странами;

нанесение ущерба жизненно важным интересам государства в политической, экономической, оборонной и других сферах.

Как видим, аспектами информационного противоборства являются практически все виды человеческого бытия: политическая деятельность; экономика; культура; религия; межрасовые и социальные отношения; образование и т.д. При этом следует обратить внимание на тесную взаимосвязь двух видов противоборства – информационного и экономического.

Для того, чтобы организовать эффективное противодействие такой стратегии, необходима адекватная контрстратегия. Ее методы должны учитывать традиции того народа, которому адресована информация, его менталитет, складывающуюся в стране на данный момент ситуацию в различных областях ее жизни (и не просто ситуацию на уровне статистических отчетов, а ее тончайшие нюансы, психологический настрой населения, обусловленный этой

ситуацией). Необходим постоянный мониторинг огромных объемов информации о стране-оппоненте, оценка эффективности использования полученных данных для нанесения информационных воздействий, быстрая оценка реакции социума на эти воздействия, уточнение характера воздействия. Непрерывность, напористость, гибкость, неординарность – вот основные черты такого противоборства. Чтобы с учетом всех этих факторов и требований сформировать эффективный ряд мероприятий и реализовать их, нужны профессионально подготовленные специалисты, владеющие соответствующими знаниями (знающие экономику соответствующей страны, состояние межрасовых отношений, религиозные традиции и т.д. и т.п.). Очевидно, что решение подобных задач под силу только государству, а не отдельным органам исполнительной власти.

Как уже было отмечено, с информационным противоборством тесно связано *экономическое противоборство*.

Видов экономического противоборства довольно много. При этом не следует путать их с конкурентной борьбой. Конкуренция предполагает в качестве основной цели получение прибыли за счет предоставления товаров или услуг более высокого качества и/или по меньшей, чем у конкурента, цене. При этом конкуренту может наноситься экономический ущерб, но это не является основной целью, это «побочный продукт» конкуренции. Экономическое противоборство, напротив, в качестве основной цели предполагает нанесение прямого экономического ущерба стране-противнику либо получение прямых экономических выгод для себя за счет (в ущерб) страны-противника.

На современном этапе экономическое противоборство осуществляется, в основном, по следующим направлениям: «перекачивание мозгов», разрушение высокотехнологических отраслей промышленности страны-противника, дискредитация продукции и имиджа страны-противника на международных рынках, экономическая экспансия, промышленный шпионаж, экономические санкции.

В качестве основных задач, которые ставит перед собой страна-агрессор в процессе экономического противоборства, можно выделить следующие:

устранение конкурентов на мировых рынках сбыта;

захват наиболее выгодных (прибыльных) сегментов экономики страны-противника либо ключевых сегментов для обеспечения влияния на экономику страны-противника;

ликвидация экономического суверенитета страны-противника (экономический суверенитет страны подразумевает ее независимость от других государств по многим составляющим: финансовая, энергетическая, технологическая, техническая, продовольственная – этот список достаточно длинный);

превращение экономики страны-противника в дополнение к экономике страны-агрессора (как правило – в сырьевой придаток, площадку для размещения экологически вредных производств и т.п.).

Для решения перечисленных задач страной-агрессором используется большое разнообразие экономических методов и их сочетания, в том числе участие в скупке акций ключевых и высокотехнологичных предприятий для последующей их реструктуризации (а иногда – при слабой законодательной и нормативной базе страны-противника – для прямой их ликвидации), формирование лоббистских групп в различных управленческих и законодательных структурах страны-противника для формирования деструктивной законодательной и нормативной базы, принятия экономически нерациональных решений, создание привлекательных условий для «перекачки мозгов» и изъятия результатов интеллектуальной деятельности у страны-противника и т.п. Безусловно, при этом применяются не только экономические методы влияния, но и методы информационного давления (противоборства).

К сожалению, говоря об экономическом и информационном противостоянии, следует

признать, что современное положение России таково, что можно вести речь только об «оборонительных» действиях. В этой «обороне» крайне важны следующие аспекты:

протекционистская политика государства по отношению к отечественным экономическим структурам (предприятиям, организациям, предпринимателям и т.п.), которая должна строиться на основе разумного налогового законодательства и политической поддержке отечественных экономических действий;

последовательное достижение социальной справедливости;

воспитание российского народа в духе патриотизма.

В этой связи весьма примечательным представляется перечень ценностей (критериев), имеющих основополагающее значение в процессе ведения противоборства. Что касается такого перечня, принятого в качестве ориентира в США, то он сформирован одним из американских аналитических центров «Херитидж Фоундейшн» (Heritage Foundation). Этот центр считает, что процветание Америки должно строиться на следующих ценностях: свобода, ответственность, семья, наследие, истина, вера, патриотизм, верховенство закона, самоуправление, предпринимательство, конкуренция. К сожалению, сравнение США и России по этим критериям будет явно не в нашу пользу. И исправление этого положения – это не сиюминутное действие, а кропотливая работа, направленная на внедрение этих ценностей не только в умы, но и повседневную жизнь граждан. Поэтому сложившийся на сегодня баланс в данной области, даже если незамедлительно и активно приступить к исправлению ситуации, весьма нескоро начнет изменяться в нашу пользу.

Из сказанного следует, что информационное и экономическое противоборство являются наиболее важными составляющими межгосударственного несилового противостояния в современном мире. Фактически на основе этих двух составляющих решались все политические проблемы последних десятилетий. При этом военная фаза (военное насилие) наступала только тогда, когда информационное воздействие и экономическое давление не позволяли достичь политических целей.

Для несилового воздействия на противника государство может и должно привлекать все имеющиеся в его распоряжении органы, организации и формирования, а также создавать их на период противоборства. Необходимо определиться с тем, кто же должен заниматься этими видами противоборства, организовывать и управлять их осуществлением, системно и компетентно решать массу проблем, начиная от организации теоретических исследований по формам и способам его осуществления, вариантам применяемых технических средств и заканчивая подготовкой специалистов, координацией усилий различных фигурантов противоборства. Безусловно, это должна быть государственная структура по управлению информационным и экономическим противоборством.

Одна из таких структур – Совет безопасности России, который в силу его положения и значимости в государстве потенциально способен взять на себя роль координатора информационного и экономического противоборства за счет расширения круга решаемых им задач, ответственности и полномочий. Возможно, что для этого целесообразно создание некого другого аналитико-административного центра. Его задача – системное планирование и скоординированное управление невоенным воздействием на противника, которое должно представлять собой комплекс взаимоувязанных по целям, месту и времени мероприятий, осуществляемых различными органами, организациями и формированиями в интересах решения политических задач.

Сложность требований, предъявляемых к такой структуре, определяется большим количеством направлений, по которым будут вестись несиловые действия, и большим объемом мероприятий, осуществляемых при этом. Поэтому для ведения информационной борьбы, как представляется, необходимо со-

здать орган по координации и управлению информационной политикой СМИ (если не всех, то хотя бы государственных или даже специально создаваемых для осуществления информационных операций); орган по координации и управлению действиями в сети Интернет; орган по управлению подготовкой кадров для ведения информационной борьбы.

Очевидно, что все указанные органы свою работу должны будут строить на базе результатов научных исследований, по этой причине необходим и орган (или соответствующие подразделения внутри указанных органов), обеспечивающий управление научными исследованиями в данной области.

Подготовка кадров для осуществления несилового противоборства может вестись учебными заведениями, находящимися в ведении Министерства иностранных дел России и Высшей школы экономики.

Список использованных источников

1. Курносов Ю.В. Аналитика как интеллектуальное оружие. – М.: РУСАКИ, 2012.

2. Военно-промышленный курьер. – 2013. – №№ 4, 7.

3. Рогозин Д.О. Экономическая война. (Тезисы к экономической программе партии «Родина»). Апрель 2005 г.

4. Корсаков Г. Информационное оружие супердержавы: кибервойна и «управляемые кризисы» http://www.imemo.ru/ru/publ /2012/12004.pdf